

МАРИЯ
ГАЛИНА

МАРИЯ
ГАЛИНА

• АВТОХТОНЫ •

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г15

Оформление обложки *Екатерины Петровой*

Книга издается с разрешения литературного агентства
«Banke, Goumen & Smirnova»

Любое использование материала данной книги, полностью
или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Галина, Мария Семеновна.
Г15 Автохтоны : [роман] / Мария Галина. — Москва :
Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Мастера магиче-
ского реализма).

ISBN 978-5-17-099250-8

Действие нового романа Марии Галиной разворачивается в старинном городе, своеобразной культурной столице пограничья, соединяющего (и одновременно разъединяющего) Восточную и Западную Европу. Прибывший издалека герой пытается восстановить историю давней постановки очень странного, судя по глухим упоминаниям мемуаристов, спектакля — оперы «Смерть Петрония». Обращаясь к давно забытому эпизоду двадцатых годов прошлого века, герой все глубже погружается в сегодняшнюю жизнь города и его артистической среды, и чем ближе он приближается к разгадке, тем активней реагирует на его расследование Город и его загадочные обитатели.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099250-8

© Галина М.С.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

«И больше благодати в описании нимф, нежели в описании медалей. И больше благодати в описании происхождения гигантов, нежели в описании придворного этикета. И больше благодати в описании Мелюзины, нежели в описании кавалерии и артиллерии. И больше благодати в описании подземного горного народца, чем в описании фехтования и дамского угодничества»

Парацельс

«... когда видны блуждающие огоньки, это означает неминуемый упадок страны».

Парацельс

— Это вот что, — сформулировал он очевидное, — проходная комната?

Он только-только собрался сказать, что вполне устраивает, спасибо большое, но тут дверь, как он полагал, в кладовку, распахнулась, и мимо, топя ботинками, прошли гуськом два огромных байкера, медно-рыжий и русый, оба в черной коже, блестящих клепках, шипах и цепочках. Ни на него, ни на дежурную, они не обратили внимания.

— Ну, да. У нас, понимаете... немножко ремонт.

На сайте ничего про ремонт не было. Он мрачно разглядывал синенький пятитомник Гайдара на полочке (почему Гайдар?) и думал, что напишет у них на форуме всякие гадости. Так им и надо.

Задумалась, почесала плечо носом. Он против воли восхитился — не каждый так может. Он только сейчас разглядел, что на ногах у нее огромные, не по размеру, розовые пушистые шлепанцы с носиком и ушками.

— Есть одна, там, правда, краской сильно пахнет.

Он представил, как сидит на кровати в одних трусах, а мимо, взад и вперед, ходят байкеры.

— Краской пахнет. Понятно. Ладно, ведите.

Окно предъявляло пиксели бурых и зеленоватых черепичных крыш с присевшими на них тарелочками спутниковых антенн. Посреди комнаты торчали заляпаные побелкой козлы. Краской, да, пахло, и сильно. Но он любил этот запах.

— Маляры уже закончили. А художница приходит днем. И уходит к шести. Она вам не помешает.

Она успела расписать только одну стену: суровый мужчина, грозя гигантской логарифмической линейкой, обнимал женщину, выпускающую жирного голубя.

Советское входит в моду. А когда-то казалось, прости господи, унылым говном.

— Ну вот, — радостно сказала дежурная, — хорошая комната, правда?

Мужчина с логарифмической линейкой покосился на него с укоризной.

— Позавтракать где можно? У вас?

— Ах, нет, у нас же ремонт. В «Кринице» можно. Как выйдете, сразу направо. Они рано открываются. У них омлет. И запеканка. И сырники с вареньем. И недорого.

Она была совсем молоденькая, а молодым всегда хочется есть.

Он покачал головой, раскрыл сумку и принялся раскладывать вещи на койке, рядом с плоской горкой пахнущего стиркой постельного белья.

Обливные горшки, грубые некрашенные балки... Бездна вкуса. «Криница», а как же.

Женщина за стойкой, полная, еще молодая, очень домашняя, кивнула ему и украдкой зевнула.

— Как всегда?

Она не улыбалась, но казалось, что улыбается. Только скрытно. Тайно. Только ему.

Он подумал про яичницу и отверг. Заказал творожную запеканку и кофе.

— Хотите, бальзаму налью? В кофе? Бонусом. Холодно же.

Мокрый снег за окном сообщал уют равнодушному пищевому пространству.

— Наверное, — сказал он. — Наверное, да. Спасибо.

На календаре у нее за спиной два котенка играли клубком шерсти. Календари с котятками популярней календарей с младенцами. Не все любят детей, а котят все. К тому же ребенка так и сглазить недолго. Не надо на него смотреть чужим людям. А котятками можно умиляться, сколько влезет. Жизнь котенка, в сущности, ничего не стоит.

Он забрал поднос и устроился за столиком у окна. Буфетчица раскрыла покетбук в яркой обложке и углубилась в чтение, но, поймав его взгляд, подняла голову. Я не улыбаюсь тебе только потому, что ты можешь подумать, что это входит в сервис, а я не хочу, чтобы ты так думал, казалось, говорило ее лицо.

— Вкусно?

Прогрохотал по брусчатке фургончик, выдавливая снеговую кашу на узенький, низенький тротуар. На розовом боку пестрела реклама молочных продуктов, он

не разобрал названия. Жалюзи в доме напротив взлетели вверх, открыв витрину сувенирной лавки.

— Спасибо, очень.

Запеканка была с цукатами и щедро полита сбитыми сливками.

— Заходите еще, — она наконец улыбнулась.

Дежурное дружелюбие, ничего не означает. Просто их тут хорошо натаскивают.

— Спасибо. Кстати... как вы думаете, что такое «вертиго»?

— Что-то, что вертится? — спокойные серые глаза изучали его лицо, и, уже уверенней, она сказала: — Головокружение?

Он кивнул и вышел с неприятным чувством, что она, стараясь угодить ему, прочла его мысли.

Пассажиры, входя, здоровались с кондукторшей. Он протер ладонью стекло, как раз вовремя, чтобы увидеть, как у мокрой ограды рынка несколько фургончиков выгружают цветы, охапки цветов. Отвалившиеся толстые зеленые листья мокли в подтаявшем снеге. Еще одна площадь, пустые фонтаны, серые дома с лепниной, деловитые люди расставляют мокрые ведра, опять цветы, алые, желтые, лиловые на серой брусчатке...

— И как вам у нас?

Лысому печальному человечку с большим носом и пятнистой рукой на рукоятке массивной трости даже не пришлось наклоняться, такой он был маленький.

— Нет-нет, там, сзади, свободно, — продолжил человечек поспешно, видя, что он намеревается освободить сиденье, — просто иногда хочется поговорить, знаете. Я вот как раз сзади и сяду.

Человечек исчез из поля зрения, но тут же, устроившись позади, постучал по плечу, привлекая к себе внимание. Он напрягся — не любил чужих прикосновений.

— Ничего, — сказал он, — колоритно.

— Рынок, Собор, Театр, Старый Рынок... Это остановки так называются. Кстати, видите вон тот серый дом, где дриада на фронтоне? Когда дождь идет, она плачет. А легенду про нее знаете?

— У архитектора умерла от чахотки дочь, — предположил он.

— Положим, у владельца. А архитектор...

— Был ее женихом.

— Надо же, — удивился старик, — вы-таки читали путеводитель!

— Нет. Просто догадался.

Он украдкой глянул на часы — в чужом городе время всегда тянется медленно.

— А как вы догадались, что я приезжий?

— Каждое утро, — сказал старик, — буквально каждое утро тут садятся одни и те же люди. Я их знаю. А вас — нет. К тому же у вас нет зонтика. У меня тоже нет, но мне можно. Я выхожу, когда этот противный мокрый снег уже кончается. Но те, кому по утрам на работу, обязательно ходят с зонтиком. С маленьким складным черным зонтиком.

На мраморных бортиках пустого фонтана сидели голуби, бледные, гладкие, он сначала подумал, что это украшения, но потом один из них пошевелился.

— Я мог переждать непогоду в кафе. Я, собственно, так и сделал.

— Я и говорю, приезжий. Живи вы здесь, у вас был бы с собой зонтик и не пришлось бы переживать непогоду в кафе.

Он поднялся с приятно нагретого его собственным задом сиденья.

— Рад был познакомиться, мистер Холмс, — сказал он и пошел к выходу.

Оперный театр походил на торт. Избитая метафора, да-да, он знает. Кремовые башенки, безешные нашлепки муз и амуров. Правда, торт обычно молчалив, а тут стены распирала музыка, бравурная и прилипчивая. Никто, ну буквально никто не может сравниться с Матильдой моей.

Пожилой солидный вахтер приподнялся, он уже собрался было достать удостоверение, было у него одно хорошее удостоверение, но вахтер кивнул и с достоинством, но громко, перекрывая хвалу несравненной Матильде, сказал:

— Витольд Олегович там, в зале.

Зеркальный двойник спускался ему навстречу, а потом исчез, потому что зеркало осталось за спиной, впрочем, тут же из хлопнувшей боковой двери на площадку выскочил некто, с чудовищной птичьей головой.

— Я не могу так! — сказал монстр.

Маска закрывала верхнюю часть лица, и было видно, что у монстра обиженные губы и рыхлые щеки немолодого человека.

— В ней невозможно петь! Я ему говорил, это же... совсем по-другому резонирует, да и... я воздух не могу набрать нормально, этот мерзкий клюв! Мерзкий! А он еще требует, чтобы мы в этом ходили все время, привыкали. Как вообще к этому можно привыкнуть? Я ему что, мальчишка?

— В комедии дель арте, — сказал он, — играли в масках. И ничего.

— Сговорились все, что ли? — Монстр широким жестом сдвинул маску на затылок — черный блестящий клюв теперь торчал над его головой, точно рог жука-но-

сорога. — Дель арте, дель арте, цветущая сложность средневековья! Сами-то петь в маске пробовали?

У монстра были страдальческие глаза с припухшими нижними веками.

— Леонид, ну хватит валять дурака, вернись.

Этот был подтянутый, в джинсах и замшевом пиджаке. И без маски.

— Я певец, — сказал Леонид печально, — не лицедей. Певец.

— Кто бы сомневался. Ступай в зал. Пожалуйста. Потом поговорим.

«Вот тебе лютики, вот васильки, вот мимозы, вот и розы, и левкоя цветки; лилии, ландыши, чары весны, бальзамины и жасмины, аромата полны» — доносилось из-за двери. То ли этот несчастный фармацевт Миллер так бездарно перевел, то ли оно у Герца так и было, он не знал. Бальзамины и жасмины, господи боже ж ты мой.

Леонид горько махнул рукой и поплелся обратно. В дверях он зацепился клювом за притолоку, приглушенно выматерился и исчез во мраке.

— Вкратце концепция такова. — Витольд завернул рукав замшевого пиджака и озабоченно поглядел на часы. — Вкратце. Присядем?

Он подумал, что Витольд старше, чем кажется. Просто следит за собой и держится неформального стиля в одежде.

Они сели на банкетку, обтянутую малиновым плюшем. Женские голоса за полуприкрытой дверью продолжали восторженно токовать про лютики и васильки. Сопрано, меццо-сопрано.

— Представьте, — Витольд возвысил голос, — заколдованный замок. Ну, дворец Иоланты. Красивые люди, яркие одежды, зеленые, красные, и розы, розы

повсюду. Цветущая сложность средневековья, понимаете? И вот она... Она слепая, потому что красота — только вокруг нее, а за оградой, ну просто кошмар за оградой, распад, гниение... Окружающий мир, он ей омерзителен, понимаете? Она своей слепотой как бы выстраивает вокруг себя заповедный рай, дивный сад, куда нет доступа грубой реальности. Безгрешная легкая жизнь, она и сама говорит, мол, отчего это прежде не знала ни тоски я, ни горя, ни слез и все дни протекали, бывало, среди звуков небесных и роз? Это же все — в предчувствии грехопадения, в предчувствии ужаса. И сама она — в белом и золотом, и луч прожектора следует за ней и прекрасное, прекрасное лицо! И когда тенор с баритоном, ну, с этим раздолбаем Леонидом, вы видели его, они... ну, чудовищные просто уроды, в черном, коричневом, угловатом, в страшных масках... И Водемон — урод, и Робер, и посланник, и сам король. Они появляются в запретном саду, эти двое, баритон поет про Матильду...

— Не люблю эту арию.

— Кто ж ее любит! Пошлая, навязчивая, агрессивная. Еще бы. Он же нелюдь. Монстр! Оба они — нелюди, только они сами об этом не знают, понимаете? Они думают, все как надо. И тут они попадают в этот сад, и замок заколдованный, и вот, Водемон признается ей в любви и понимает, что она слепа, — она ощупывает его лицо, трогает его пальцами и снимает с него маску... Не она прозревает — это любовь делает из него человека. Она, Иоланта, обретает зрение, чтобы изменить этот мир, она его как бы прорисовывает вокруг себя — ну, подходит к каждому и снимает маску. И под ними — прекрасные, прекрасные лица. Такая вот концепция. Вы пишете?

— Я запомню. А когда премьеры?

— Мы ею закроем сезон. «Иолантой». Роскошная премьеры, шпалеры увьем живыми розами. И духи, *Sa Majeste la Rose*, побрызгать в партере, на премьеры хотя бы... Чтобы такой райский, райский запах. В самый патетический момент сверху из люка на зрителей — розовые лепестки. Это будет что-то с чем-то. Стилизация, сецессия, *art nouveau*, все такое растительное. И черные радикальные фигуры в масках. Как бы если квадрат Малевича напал на девушек Мухи. Вот так примерно.

— Интересный замысел, — согласился он и подумал, что вот сколько ни стараемся, а все выходит безнадежно провинциально. — У вас впервые ее ставят, «Иоланту»?

— Еще бы. Первая «Иоланта» за сто лет. Направник в одиннадцатом приезжал. По высочайшему приглашению. Дирижировал «Иоланту» и «Орфея и Эвридику». Никаких экспериментов, чистая классика. Направник, знаете ли, новшества не поощрял.

— Жаль. Я как раз авангардом занимаюсь.

— «Иоланта» ни разу не авангардная была, я ж говорю. Это мы впервые так. Новация. Если вам что по истории, это к Шпету. Он при совке завлитом работал. Сейчас на пенсию ушел наконец-то. Афиши старые собирает, вырезки газетные. Вроде книгу писать собирается.

Витольд очень хотел ему угодить. Еще рассердит журналиста, а тот возьмет и напишет что-нибудь эдакое. Или, что еще хуже, ничего не напишет.

— Как вы полагаете, он не откажется принять меня? Шпет?

— С моей рекомендацией — нет, — солидно сказал Витольд.

Старый хрен наверняка будет в восторге, если кто-то им заинтересуется, но декорум соблюдать надо. И Витольду приятно, что поспособствовал. Он поднялся.

— Ну что ж, Витольд Олегович, спасибо, это и правда очень интересная, э... задумка. Хотя мне вот тут пришло в голову, может быть и другая интерпретация. Более радикальная. Когда они выходят на сцену, они все — красавцы. Водемон, и Робер, и все остальные. Она не видит их, но знает, что они красивы, что вокруг — прекрасный Божий мир. Ей все так говорят — он прекрасен. Вот тебе лютики, вот васильки... Она трогает эти цветы, они нежны, и аромат, и все такое... Бальзамины и жасмины. И вот она гладит пальцами лицо Водемона, она знает, что он красив, она любит его. А тут папа-король насаждает, что, мол, казнит ее любимого, значит, если она не захочет видеть, если не прозреет... Врет, понятное дело, но она-то не знает. И она в отчаянном усилии прозревает, она же любит! И видит страшный свет, невыносимый, грозное карающее небо и людей вокруг. И вот, практически в финале уже, когда она поет «Кто это? Я не понимаю?», а этот ее мавританский врач отвечает — «Люди», они вдруг все, все надевают маски уродов. Она оказывается в кольце уродов. Они были красивы, потому что она была слепа, понимаете? И сад вокруг превращается в чудовищный пустырь — приходят работники сцены, служители и все эти цветы, всю эту красоту забирают в ржавые ящики. Бетон, трубы... Ничего этого не было, ни цветов, ни сада — только в ее воображении, понимаете? А вокруг — грязь, мерзость, мерзкие рыла. Монстры. И этому вашему раздолбаю, ну, который Робер, баритон, Леонид, да? Ему не надо будет петь в маске, в маске ведь действительно очень неудобно петь.

Витольд задумчиво покусал губу, глядя перед собой. Потом неуверенно сказал:

— По-моему, это все-таки слишком радикальная трактовка.

— Да, но шум обеспечен.

— Шум обеспечен, — замороженно повторил Витольд.

Из зала волнами накатывала музыка. Он спустился по лестнице, преследуемый чистым сопрано.

Нет, нет! Я их не знаю!..

Я никогда здесь не была! мне страшно!..

Врач, где ты? Страшно!

Меня теснят кругом... вот что-то падает...

Как будто все обрушиться готово...

Я погибаю!.. Врач! Спаси меня!

Дневной свет показался очень ярким.

* * *

Витая лестница, пахнет кошками и чуть-чуть канализацией, тяжелая дверь, коридор. Он словно бы попал обратно в свой хостел, с той только разницей, что по стенам были развешены не плакаты с космонавтами и грозными молчаливыми женщинами, а афиши, множество афиш, от совсем пожелтевших, с хрупкими краями и виньетками, до поздних советских с тяжелым угловатым шрифтом. Шпет, седой, в атласном халате, в вельветовых пижамных штанах, казался актером, приглашенным на роль старого театрала. Завлит? При совке были такие завлиты?

— Витольд Олегович дал вам самые лестные рекомендации. — Голос у Шпета был бархатный, поставленный, но, как и у Витольда, неуловимо бабий. Актерство,